

Художественный мир М. В. Ломоносова

Предтекстовые задания

1. Кто такие энциклопедисты? Приведите примеры известных энциклопедистов 18 века (европейских и российских)
2. В каких областях науки Ломоносов особенно ярко себя проявил? Перечислите его основные научные достижения и труды.
3. Что такое торжественная ода? духовная ода? горацянская ода? анакреонтическая ода?
4. С каким древнегреческим поэтом часто сопоставляли Ломоносова? Найдите 3-4 примера од, написанных этим поэтом.
5. Вспомните основные вехи биографии Ломоносова. Составьте хронологическую таблицу, отобрав самые важные (с точки зрения его литературного творчества Ломоносова) даты его биографии.

Лекция

Среди русских писателей, которые определяли литературное движение середины 18 века, первое место, бесспорно, принадлежало М. В. Ломоносову. **(1)** Именно Ломоносов сумел решить главную задачу, которая стояла в то время перед русской культурой: по-настоящему усвоить античное наследие, сделать русскую культуру рецепцией античной культуры и тем самым полностью европеизировать литературный дискурс, приблизив его к современным европейским литературам. Эта грандиозная задача была осуществлена Ломоносовым не как ученым, а как поэтом, как писателем. Именно художественный мир Ломоносова, его могучая, цветущая одическая поэзия и окончательно европеизировала русскую литературу.

Надо сказать, что разносторонность Ломоносова поражает не только нас, она поражала и его современников. При этом разносторонним Ломоносов был не просто как человек и ученый, занимавшийся разными сторонами человеческого знания. Разносторонним Ломоносов был и как гуманитарий, как писатель. Он был автором прекрасных исторических сочинений, трудно переоценим его вклад в развитие русской филологии, его «Грамматика» или «Краткое руководство к красноречию», то есть риторика - это эпохальные для российской филологической мысли труды. Разнообразна была и поэтическая деятельность Ломоносова: он писал басни, он написал идиллию, он писал разные стихотворения, он создавал анакреонтические оды. Однако все-таки главным его поэтическим наследием были оды – торжественные и духовные. Именно с одами Ломоносова, в конечном счете, и связана та роль, которую этот удивительный человек сыграл в русской культуре. Именно в

одической поэзии раскрылся художественный мир Ломоносова в его многообразии, глубине и яркости.

В одном из своих замечательных сочинений – «О явлении Венеры на Солнце» - Ломоносов, используя широко известный топос, писал: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величие, в другой – свою волю. Первая – видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его здания, призвал божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия». Та характеристика, которую поэт дал универсуму - огромность, красота и стройность, то есть гармония, полно отражает и ломоносовский идеал. Все истинно великое, по мнению «российского Пиндара, Цицерона и Вергилия», должно быть гармонично. И античное искусство в данном случае – не исключение. Его сущность, внутренняя форма, как позднее выразились бы, его дух составляет именно гармония. Внутреннюю форму античности, дух античности и должна перенять отечественная словесность, ей надо стать такой же гармоничной, каким было античное искусство слова. Только в таком случае русская литература творчески усвоит античное наследие, тем самым встав в один ряд с литературой Запада. Вот мнение Ломоносова, в этом и состояла его конечная цель. Вполне естественно, что свой собственный художественный мир поэт строит, согласно этим представлениям, как гармонический, и гармония становится важнейшей характеристикой его мирообраза, которая определяет как создающий этот мирообраз стиль, так и идейную структуру ломоносовского художественного мира. Когда мы говорим о гармонии ломоносовского стиля, это может показаться странным: ведь как раз стиль ломоносовских од очень часто вызывал нарекания. Начиная с Сумарокова, многие упрекали Ломоносова за чрезмерность, неестественность, алогизм и «надутость» слога. Весьма презрительно отзывался о стиле ломоносовских од и Пушкин: «Оды его утомительны и надуты, высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности – вот следы, оставленные Ломоносовым». Однако оценки подобного типа отражают только один аспект стиля Ломоносова. Его стиль пышный и величественный, но одновременно с этим – ровный, то есть гармоничный. И действительно, если мы обратимся к системному изучению его поэтического языка, то мы увидим, что он тщательным образом организован: звуковое оформление, словоупотребление, семантика – все продумано, нет случайности и спорадичности, согласованные между собой элементы складываются в единую систему. Это и делает стиль ломоносовских од гармоничным. Обратившись к стилю конкретных произведений и проанализировав разные его уровни, мы всюду обнаружим единообразие и тесные связи составляющих текста.

Начать можно, например, со звуковой организации ломоносовских од. «Стремнинами путей ты разных прошел ли моря глубину, и счел ли чуд многообразных стада, ходящие по

дну?» Это четверостишие из «Оды, выбранной из Иова» оказывается в данном случае очень показательным. Прежде всего, бросаются в глаза ассонансы, тщательно продуманная вокалическая структура, например, повторение фонем «у» и «а»: «путей», «глубину», «чуд», «дну», «стремнинами», «разных», «море», «многообразных», «стада», «ходящие». Созвучия затрагивают и консонанты, так, отчетливо заметна аллитерация на «р»: «стремнинами», «разных», «прошел», «моря», «многообразных». Имеют место также и более глубокие, сложные звуковые соответствия. Так, комплекс «ст» - «стремнинами» - первого стиха связан с «ст» четвертого стиха – «стада», причем данная переключка усиливается одинаковой начальной позицией в стихе, в результате этого появляется эффект анафоричности. Еще более существенны созвучия рифмующихся слов: «разных» - «многообразных» (первый и третий стих). Второе слово «многообразных» - иное и по словообразовательной модели, и по этимологии, и по семантике, включает в себя весь звуковой состав первого: «многообразных». Стоит обратить внимание и на связь слова «многообразных» с именем существительным второго стиха – «моря». Благодаря этому непрерывное и повторяющееся звуковое движение, проходящее через три соседних стиха: «разных» - «моря» - «многообразных». Конечно, на слух трудно воспринять звуковую организацию стиха, но вместе с тем тщательность эвфонической организации очень ясно показывает внутреннюю соразмерность, то есть гармоничность художественного стиля Ломоносова. Этот стиль действительно ровный, при этом ровность и соответствие характерны не только для звуковой организации стиха, они также характерны для лексики ломоносовских од, о чем писал уже А. И. Соболевский. Более того, эти особенности свойственны и семантическому уровню ломоносовского стиля, ведь у Ломоносова происходит сплошная метафоризация лексики, и очень часто многие строфы подряд представляют собой развитие переносных значений, о чем уже в 1927 году прекрасно писал Г. А. Гуковский в своей пионерской работе «Русская поэзия 18 века». Подобная тотальность метафоризации сама по себе свидетельствует о последовательном проведении одних и тех же принципов, о жестком следовании определенной эстетической норме. О такой системности лексико-семантического уровня еще более свидетельствует осмысленность метафор и других тропов, их неразрывная связь с одическим смыслопорождением. Этот момент тоже чрезвычайно важен, когда мы говорим о гармонии ломоносовских од. Стиль ломоносовских од гармоничен не только потому, что он ровен, не только потому, что в нем последовательно проводятся одни и те же принципы. Может быть, еще более гармоничен он потому, что все выражения, все слова, все фразы, употребленные поэтом, глубоко содержательны. Мысль и слово неразрывно связаны в этом стиле, поэтому он и гармоничен. Очень часто эпитет или метафора в сжатом виде заключает в себе все дальнейшее содержание оды. Так, в частности, эпитет из знаменитой

оды 1747 года – «возлюбленная тишина» - в какой-то степени предугадывает дальнейшее смыслопорождение всей оды. Поэт недаром употребляет имя прилагательное «возлюбленная», которое включает нечто более интенсивное, активное, направленное на предмет, нежели его синонимы «любимая», «любезная». Для языка 18 века глагол «возлюбить» означал не просто полюбить, а полюбить горячо, сильно. В другом плане – предпочесть, избрать для себя. Одновременно «возлюбленная» предполагает и некоторую возвышенность, устремленность ввысь, ведь префикс «воз-» «содержит в себе представление о предметах высших и прямее указывает на подъем в высоту». «Тишина», «возлюбленная тишина» оказывается не просто сильно любимой, она выбрана, предпочтена, в частности, потому, что способна вознести человека, духовно его укрепить. Последний семантический оттенок эпитета «возлюбленная» актуализируется позднее встречающимся глаголом «дерзают» - «сокровищ полны корабли дерзают смело за тобою». тому что, когда царит последняя, любое плавание возможно. «Дерзают» означает «осмеливаются», «мужают». Получается, что тишина не только придает смелость, она и способствует возмужанию, воспитывает. Пример этого эпитете – «возлюбленная тишина» - очень хорошо показывает, как глубокая осмысленность ломоносовского стиля - его эпитеты, метафоры – делает этот стиль подлинно гармоничным. Этим гармоничным цветущим стилем Ломоносов выражает гармоническое содержание. В похвальных, торжественных одах гармония носит несколько панегирический характер, она связана с идеализированным описанием России. Дело в том, что вне зависимости от своего конкретного содержания, которое связано с адресатом и общественно-политическим контекстом, все Ломоносовские оды, в конечном счете, посвящены одной проблеме: России. Здесь уместно воспользоваться словами Н. Я. Берковского: «Поэт не столько мыслил образами, сколько образом, одним, единственным – Россией». При этом Россия похвальных од – это огромная империя, обнимающая «север, запад, восток», связанная со всем географическим пространством. Происходящее в ней откликается и в Европе, и в Азии, вплоть до Китая - «Хины» - и Цейлона. Люди, живущие в этой империи – тоже образцовые. Образцов простой солдат, не менее образцовым является и монарх. Противоречий между людьми и государственной необходимостью не возникает – личность и общество сливаются, если воспользоваться словами Тютчева, «общим хором», и всюду царит «ненарушимый строй во всем».

Более сложным оказывается обретение гармонии в духовных одах. Более того, в духовных одах гармония достигается не без усилия, путь ее достижения труден, жесток и даже трагичен. Сквозь тяжелые сомнения должен пройти человек, ему предстоит решить, если воспользоваться словами Баратынского, «много мятежных вопросов», и только затем перед его сознанием откроется совершенство мира. Пожалуй, сильнее всего о трудном пути

познания мирового совершенства говорится в «Вечернем размышлении о Божием величестве по случаю великого северного сияния» - возможно, самом знаменитом стихотворении Ломоносова. **(3)** Задумавшись над своим местом во Вселенной, поэт, «в сей бездне углублен», размышляет о своем ничтожестве в мире, где он «песчинка в морских волнах», «мала искра в вечном льде», «в сильном вихре тонкий прах». Впрочем, малость человека не мешает ему проникнуть в тайны Вселенной. «Уста премудрых» - так замечательно называет Ломоносов ученых – гласят о разумности и закономерности мира. Казалось бы все понятно – во всем мире, во всем мироздании царят одни и те же законы: «Для вящей славы божества там равны силы естества». Во всех звездах, во всех уголках бесконечной Вселенной действуют одни и те же законы. но внезапно происходит нарушение только что понятых закономерностей: «Но где ж, натура, твой закон? С полных стран встает заря!» Что происходит, в чем дело? Поэт вновь обращается к ученым. Однако «сомнений полон ваш ответ». Мир оказывается непостижимым. Даже о том, что «окрест ближних мест», никто толком сказать не может. Но значит ли это, что Вселенная хаотична и сама по себе, вне человеческого ее восприятия, лишена смысла? Нет, ни в коем случае. Ода заканчивается вопросительными фразами. Четыре последних стиха завершаются вопросами: «Скажите ж, коль пространен свет? И что малейших дале звезд? Не сведом тварей вам конец? Скажите, коль велик Творец?» Само обилие этих вопросов делает ненужными ответы на них. То, что сейчас мы не можем постигнуть порядка мироздания, говорит Ломоносов, не означает его хаотичности. Человек не может сказать, коль велик Творец, но это не значит, что Творца нет. Точно так же и законы: неизвестные, пока не поняты людьми, они существуют, одухотворяя Вселенную, делая ее разумной.

Постижение смысла вселенной в духовных одах Ломоносова – сложный процесс. Многого человек не знает, многое неверно трактует. Но само наличие в мироздании смысла несомненно, и горячая вера в осмысленность, разумность мира и помогает ломоносовскому человеку преодолеть сомнения, подняться над ощущением своей беспомощности, побороть субъективизм. Более того, человек слишком малая мерка для мироздания, его бытие, его страдания и радости сами по себе слишком ничтожны перед величием природы. «О, ты, что в горечи напрасно на Бога ропщешь, человек!» - начинает Ломоносов «Оду, выбранную из Иова» и всем ее строем объясняет, почему страдающий человек не должен роптать на Бога, то есть отрицать гармонию Вселенной. **(2)** Проникновенно в этой оде рисуются чудеса природы: небесные светила, которые льют свой свет, моря и суши, животворный дождь, удивительные животные – кит и бегемот (при этом любопытно, что Ломоносов описывает носорога, неточно называя его бегемотом – великий ученый был, очевидно, не очень тверд в зоологии). Все это величественно, удивительно и совершенно. Все это так несоизмеримо с

маленьким беспомощным человеком, что последний начинает осознавать свою ничтожность перед лицом разумной природы. Людские беды и несчастья не то чтобы зачеркиваются, они как бы снимаются на более высоком уровне. Ломоносов заставляет личность забыть себя, увидеть, что дисгармония единичной частной жизни не есть дисгармония абсолютная. Если взглянуть на действительность не очами одного субъекта, а глазами всего коллектива, всего собора – «собора всей твари», неразрывной частью которого является каждый человек, то любая дисгармония оказывается мнимой и растворяется в огромности, красоте и стройности великого мира. Как мы видим, Ломоносов действительно выражает в своих одах посредством совершенного гармонического стиля подлинно гармоническое содержание. Тем самым он решает главную задачу, которую сам перед собой поставил: он повторяет дух античности, внутреннюю форму античного искусства. Тем самым русская литература становится рецепцией античности, она начинает осознавать себя как продолжательница, наследница античной культуры, а это означает конечную европеизацию. Своим гармоническим совершенным Ломоносов вводит русскую поэзию, как выражались в начале 18 века, «в общество политических народов», о чем прекрасно писал Владислав Ходасевич в своем последнем стихотворении. Однако этим не заканчивается замечательная заслуга Ломоносова. Ведь Ломоносов не просто европеизирует русскую литературу, он европеизирует русскую литературу таким образом, что, европеизируясь, становясь частью единого европейского культурного хронотопа, русская культура сохраняет свои национальные черты. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к внутреннему содержанию ломоносовской гармонии. Ведь гармония Ломоносова – это не просто соединение в какое-то безразличное единство разных элементов, это гармония, которая строится на родственном, любовном, братском отношении самостоятельных субъектов, подчиненных одной цели и сливающихся поэтому в одно целое. Не случайно поэтому в мире Ломоносова все герои – и люди, и природа, и даже животные – обращаются друг к другу на «ты». И на этом стоит остановиться. Дело в том, что обращение на «ты», использование личного местоимения 2 лица имеет чрезвычайно важное значение для ломоносовских од. Это обращение свидетельствует не только об интимности, близости всех предметов друг к другу, это обращение свидетельствует о том, что отдельные элементы ломоносовского мира строятся по тождественному принципу, структурно они эквивалентны, они подобны друг другу. В свое время Эмиль Бенвенист, в своей замечательной статье проанализировавший местоимения в индоевропейских языках, говорил о том, что местоимению 2 лица свойственна обратимость: «тот, кого я определяю как «ты», - писал великий лингвист. – сам мыслит себя в терминах «я», и, обращаясь в «я», превращает мое «я» в «ты»». Благодаря этому обращению объекты ломоносовских од, герои, определенные

как «ты», получают одушевленность и самосознание, потенцию стать субъектами. И не случайно, по словам Сермана, ломоносовская ода – это «не единый лирический монолог, обычно она состоит из основного рассказа от имени одописца, который прерывается монологами-вставками персонажей – Бога, природы, России, царей и цариц. И это возможно именно в связи с обратимостью героев, обозначенных как «ты». В какой-то степени все герои ломоносовских од равны друг другу, и благодаря этому равенству художественный мир Ломоносова оборачивается не просто гармонией, а гармоническим объединением одушевленных субъектов, различных по месту во вселенской иерархии, но внутренне соотносимых между собой из-за своей одухотворенности. И этот мир, созданный Ломоносовым для того, чтобы европеизировать русскую культуру, оказывается удивительно близким древнерусским традициям, ведь то, что я только что сказал, точнее и вернее всего можно было бы определить как соборность. Соборность же, в свою очередь, является главной содержательной категорией древнерусского мира. Применительно к иконописи об этом прекрасно писал Е. Н. Трубецкой, об этом писали исследователи «Слова о полку Игореве» и «Повести о Петре и Февронии», исследователи древнерусской литературы в целом. И, создавая гармонический мир для европеизации, Ломоносов продолжает своими одами древнерусскую литературную традицию, он европеизируется, оставаясь русским. Это кажется парадоксом, но на самом деле это не парадокс, а глубокое диалектическое противоречие, которое и позволило Ломоносову завершить сложную культурную перестройку, сложную культурную революцию, которая происходила в русской литературе в 1-й половине 18 века. Как мы говорили на лекции, посвященной культурным реформам Петра, задача Петра заключалась в том, чтобы разрушить древнерусскую культуру, и на смену разрушенной культуре привести культуру новую, европейскую, ориентированную на Западную Европу. Необходимо перестать быть русскими для того, чтобы стать в культурном смысле европейцами. Этот замысел Петра осуществился не полностью, - точнее сказать, он не осуществился. Уже опыт Петербурга, Петербург как эстетический и духовный феномен, о чем мы опять-таки говорили на первой лекции, показывает, что Петру удалось только переодеть русскую культуру. Русская культура сохраняет свою внутреннюю духовную сущность? Она остается внутренне русской, но только передевается в европейские одежды, и это действительно прекрасно видно на примере Петербурга. То же самое мы обнаруживаем в ломоносовском творчестве. Ломоносов пользуется средствами чисто европейского литературного дискурса – это позднее барокко, классицизм. Его оды, как писал Л. В. Пумпянский, «иногда напоминают нам замечательные переводы с какого-то неизвестного языка». Это действительно европейский поэт, и недаром его топика, образность его од в основном восходят к западноевропейской поэтической традиции. Но наряду с этим при

помощи этого европейского художественного языка Ломоносов выражает традиционные для русского сознания, для древнерусской культуры представления о мире и о месте человека в этом мире, он выражает идею соборности, идею милости и любви друг к другу, благодаря которой нация существует как единое целое. И только такое существование, с точки зрения древнерусской культуры и для Ломоносова, является единственно правильным, единственно идеальным. Оказывается, что Ломоносов сумел, европеизировав русскую культуру, оставить эту культуру русской. Вновь повторю: если Петр хотел уничтожить русское, чтобы сделать русских европейцами, то Ломоносов показал в своей поэзии, что можно остаться русским, став европейцем. И именно с Ломоносова начинается развитие типа «русского европейца». С этим важнейшим художественным явлением, явлением не только культуры, но и духовной, политической жизни, связано чрезвычайно многое в русской культуре. Классическим образцом «русского европейца» был Н. М. Карамзин, «русским европейцем», без сомнения, был Пушкин, вне идеи «русского европейца» не существует творчество Лермонтова и - в определенном, очень сложном преломлении - Гончарова, эта идея очень важна и для Ф. М. Достоевского. В конечном счете, с этой идеей неразрывно связана деятельность А. А. Блока, и, конечно, Мандельштама, в какой-то степени – Ахматовой. Очень и очень многое в русской культуре так или иначе связано с развитием темы и образа «русского европейца». А первым «русским европейцем», первым автором, который сумел выразить этот духовный, этический и эстетический комплекс, был М. В. Ломоносов. Именно поэтому, говоря о Ломоносове, мы не можем не видеть в нем не только крупнейшего писателя середины 18 века, не только писателя, определившего развитие литературы в середине и в конце 18 века, но и писателя, который, в конечном счете, определил и дальнейшее развитие всей русской литературы. (5) И 19, и 20 век в какой-то степени может быть назван «послеомоносовским». Мы часто называем нашу культуру послепетровской культурой, и действительно, реформы Петра заложили начало русской культуры. Но, может быть, более точно было бы назвать эту культуру послеломоносовской.

Притекстовые задания

1. Чему посвящена работа М. В. Ломоносова «О явлении Венеры на Солнце»?
2. Почему Ломоносова сравнивали с Пиндаром, Цицероном и Вергилием?
3. Что вы знаете о научной деятельности А. И. Соболевского?
4. Переложением фрагмента какой книги является «Ода, выбранная из Иова»? О чем рассказывается в этой книге?
5. Дайте определение метафоры.

Послетекстовые задания

1. Какой путь усвоения античности русской литературой был предложен Ломоносовым?
2. В чем заключается гармоничность стиля ломоносовских од? Продемонстрируйте эту особенность стиля на примере одной торжественной оды.
3. Какие тексты Ломоносова относятся к жанру духовных од? Чем они отличаются от торжественных (с точки зрения содержания и формы)?
4. Каковы особенности образа России в одической поэзии Ломоносова? Подберите примеры для доказательства ваших суждений.
5. Как сочетается в одической поэзии Ломоносова «европейскость» и древнерусские традиции?

Задания для самостоятельной работы

1. Найдите 5 примеров «смелых» и неожиданных метафор в одической поэзии Ломоносова.
2. Проанализируйте синтаксическую структуру пяти предложений из ломоносовского «Слова похвального Елизавете Петровне» (1749)

Тесты

1. В каких учебных заведениях учился М. В. Ломоносов?
 - Сухопутный шляхетный корпус
 - Славяно-греко-латинская академия
 - Московский университет
 - Академический университет
 - Марбургский университет
 - Сорбонна
2. Отличительными чертами торжественных од М. В. Ломоносова являются:
 - лирический восторг
 - «парение»
 - революционный пафос
 - дидактика
 - неясность содержания
 - логичность
 - акцент на роли церкви в русской истории
3. Укажите среди предложенных строфических моделей наиболее распространенную схему одической строфы.
 - aBaB
 - AbAb
 - aaBBccDD
 - AAbCCbDeDe
 - AbAbCCddEE
 - AbAbCCdEEd

4. В поэзии Ломоносова можно обнаружить черты, которые традиционно связываются с различными литературными стилями и направлениями. Что это за стили и литературные направления?

- стиль монументального историзма
- барокко
- классицизм
- предромантизм
- сентиментализм
- романтизм
- реализм

5. Какие из приведенных ниже произведений Ломоносова относятся к одам?

- «Гимн бороде»
- «Утреннее размышление о Божием величестве»
- «Тамира и Селим»
- «Петр Великий»
- «Я знак бессмертия себе воздвигнул...»
- «Письмо о пользе стекла»

6. Какие из приведенных ниже од принадлежат Ломоносову?

- «Ода на карусель»
- «Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»
- «Ода на суету мира»
- «Ода, выбранная из Иова»
- «Ода императору Александру Павловичу на день восшествия на престол»
- «Осмынадцатое столетие»

7. Кому из перечисленных лиц Ломоносов адресовал свои оды?

- Петру I
- А. Д. Меншикову
- Анне Иоанновне
- Петру II
- Петру III
- Екатерине II
- К. Г. Разумовскому
- Г. А. Потемкину

8. Какие из перечисленных статей и трактатов принадлежат Ломоносову?

- «Две эпистолы»
- «Критика на оду»
- «Способ к сложению российских стихов»
- «Письмо о правилах российского стихотворства»
- «О нынешнем состоянии словесных наук в России»
- «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке»
- «Луч света в темном царстве»
- «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских»

9. Какие из перечисленных научных трудов принадлежат М. В. Ломоносову?

- а) «О стихотворстве камчадалов»
- б) «О стопосложении»
- в) «Рассуждение о лирической поэзии или об оде»
- г) «Краткое руководство к красноречию»
- д) «Краткое руководство к риторике»
- е) «Российская грамматика»
- ж) «История Российская»
- з) «История Государства Российского»
- к) «Риторическая рука»

10. Найдите фрагменты торжественных од Ломоносова, которые пародирует А. П. Сумароков следующими строками своих «Вздорных од»:

- а) «Превыше звезд, луны и солнца // В восторге возлетаю нынь»;
- б) «Заря багряною ногою // Выводит многие лета...»
- в) «Вы, тучи, с тучами спирайтесь, // Во громы, громы, ударяйтесь...»

Биография

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (08.11.1711, д. Мишанинская Куростровской вол. Двинского у. Архангелогородской губ. —04.04.1765, СПб). Ученый-энциклопедист, поэт, заложивший основы современного рус. литературного яз. Род. в семье черносошного (государственного) крестьянина Василия Дорофеевича и дочери дьякона Елены Ивановны Сивковой. Отец занимался перевозкой по морю государственных и частных грузов, промышлял морского зверя. В 1720 умерла мать Л., и отец стал брать его с собой на море, а дома попросил дьячка приходской Дмитриевской ц. (в которой он был старостой) С. Н. Сабельникова обучать сына грамоте. С этого времени у Л. возникла страстная тяга к знаниям. В декабре 1730 он отправился в Москву учиться и, скрыв свое крестьянское происхождение, 15 января 1731 поступил в Славяно-греко-латинскую академию. За первый год обучения Л. окончил 3 класса академии, а затем доучился до предпоследнего класса (класс философии). Изучал лат., греч. и древнееврейский яз., а также естественные науки «по Аристотелю», что не могло удовлетворить его любознательности, поэтому, по некоторым сведениям, сделал попытку учиться в Киеве в Киево-Могилянской академии, но и там не нашел ничего нового и вернулся в Москву. К счастью, в ноябре 1736 Л. вместе с 12 другими учащимися был отправлен в СПб, где в январе 1736 г. был зачислен студентом в Академический университет. В это время было принято решение отправить за границу 3 студентов для обучения горному делу. Выбор пал на Л., Г. У. Райзера и Д. И. Виноградова. 23 сентября 1736 они отплыли из Кронштадта и 3 ноября 1736 прибыли в Марбург, где были зачислены в университет под покровительство почетного члена Петерб. Академии наук профессора Христиана Вольфа. После освоения нем. яз. они приступили к занятиям. Вольф читал им лекции по механике, теоретической и экспериментальной физике, метафизике (философии) и логике, а профессор Ю. Г. Дуйзинг — по теоретической химии.

4 октября 1738 Л. отправил в АН, как свидетельство своих успехов, первую студенческую диссертацию — «Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предсуществующей жидкости». В марте 1739 с той же целью отослал в Россию новую работу: «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул». Райзер, Виноградов и Л. были первыми рус. людьми, которые познакомились с физикой на уровне, достигнутом к тому времени. Гений Л. сказался в том, что он увлекся этой научной дисциплиной и сразу же обратился к самой важной мировоззренческой

проблеме — теории строения вещества, что отразили его студенческие «диссертации». Наряду с изучением естественных наук, Л.знакомился с нем. теорией стихосложения.

В Марбурге Л. стал фактическим мужем Елизаветы Христины Цильх, дочери своей квартирной хозяйки. В период обучения студенты наделали долгов, которые под поручительство Петерб. АН вынужден был заплатить Х. Вольф, и только после этого они, окончив университетский курс, смогли отправиться в Саксонию для обучения основам горного дела, металлургии и практической химии. 14 июля 1739 они прибыли во Фрейберг к известному в Европе преподавателю горного дела берг-советнику И. Ф. Генкелю. Л. начал усердно заниматься новыми для него науками, но не оставлял интереса к стихосложению. В 1739 он предложил новый способ рус. стихосложения, о котором известил АН в «Письме о правилах российского стихотворства». Его он сопровождал стихотворной «Одой на победу над турками и татарами и на взятие Хотина», написанной им в соответствии с предложенным способом версификации.

Со временем отношения между Генкелем и Л. стали ухудшаться. Генкель по требованию АН, вынужденной расплачиваться по наделанным студентами долгам, существенно сократил выдаваемые студентам суммы. Это вызывало раздражение Л., который не мог даже помогать своей фактической жене, которая в Марбурге родила дочь. К тому же Л., увлеченному теоретическими проблемами физики, не нравилась приземленная манера преподавания Генкеля, и это привело к разрыву. В первых числах мая 1740 Л. ушел из Фрейберга и вернулся в Марбург, где поселился в прежней квартире. Здесь ему пришлось в Марбургской церкви реформатской общины оформить брак с Елизаветой Цильх. С июня по октябрь 1740 Л. путешествовал по Германии и затем по Голландии, где сделал безуспешную попытку отплыть в СПб. Пришлось снова вернуться в Марбург и ждать разрешения АН на возвращение в СПб, которое Л. получил лишь в апреле 1741. С нелегким сердцем направлялся Л. в СПб: ему грозило наказание за самовольный уход от Генкеля, к тому же он оставлял в Марбурге беременную жену, да и женитьба на представительнице неправославной церкви могла вызвать в СПб серьезное неудовольствие. 8 июня 1741 Л. прибыл в СПб и явился в Канцелярию АН. Ее руководитель И. Д. Шумахер простил полному сил и творческих планов Л. совершенный им проступок (женитьбу тот скрыл) и в качестве студента назначил в помощь академику И. Амману, занятому составлением Каталога камней и окаменелостей Минералогического кабинета Кунсткамеры. Одновременно с этой работой Л. занимался переводами на рус. яз. статей профессора физики Г. В. Крафта для журнала «Примечания на Ведомости», изобрел т. н. «Катоприко-диоптрический зажигающий инструмент» (своеобразную солнечную печь, при помощи которой можно было бы получить недостижимые в то время иным способом высокие температуры) и взялся за создание, пожалуй, первого на рус. яз. руководства по горному делу — «Первые основания металлургии или рудных дел». В декабре 1741 он закончил диссертацию «Элементы математической химии».

8 января 1742 Л. получил звание адъюнкта физического класса, что давало ему право на самостоятельную научную работу и возможность участия в работе Академического собрания. С 28 мая 1743 по 19 января 1744 находился под домашним арестом в двух комнатках академического дома за непристойное поведение в помещении АН. Надо отметить, что Л. использовал время ареста с большой пользой. Он изучал «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона и, не оставляя мысли о создании собственной теории строения вещества, создал первую в России научную программу — знаменитые «276 записок по физике и корпускулярной философии», которую в течение последующих лет почти полностью выполнил. По-видимому, в этот период из Германии к Л. приехала жена с дочерью Екатериной и братом Иоганном Цильхом (родившийся после отъезда Л. из Германии сын Иван прожил всего один месяц и умер 28 января 1742). В течение 1743 Л., выполняя свою естественнонаучную программу, работал над рядом статей («диссертаций»), в которых рассматривал различные проблемы своего учения о строении вещества: «Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств», «О

сцеплении и расположении физических монад», «О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах, в которых заключается достаточное основание частных качеств», «Диссертацию о действии химических растворителей вообще». В течение 1744 Л. написал несколько работ: «Размышления о причине теплоты и холода», «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном», переработал диссертацию «О действии химических растворителей вообще», перевел на рус. яз. работу Г. Гейнзиуса «Описание в начале 1744 года явившейся кометы...», проводил физические эксперименты. В 1745 Л. прочитал в Академическом собрании диссертацию «О металлическом блеске», за которую его было решено избрать профессором химии. Указ о присвоении звания профессора был подписан Елизаветой 25 июля 1745. Став профессором, Л. настойчиво добивался создания химической лаборатории, т. к. понимал, что для развития химии как науки необходимы хорошая экспериментальная база и условия для работы. В это же время Л. принялся за перевод учебника Л. Ф. Тюмминга, кратко излагавшего работу Хр. Вольфа, который вышел в свет в 1746 под названием «Вольфианская экспериментальная физика». Это был первый учебник на рус. яз., который выдержал в XVIII в. несколько изданий. 20 июня 1746 Л. прочитал первую публичную лекцию по экспериментальной физике в аудитории Физического кабинета АН.

По представлению АН 1 июля 1746 был подписан именной указ о постройке химической лаборатории, хотя для ее постройки потребовалось еще два года. А в это время Л. продолжал научные занятия: в 1747 он перевел с нем. яз. книгу Соломона Губерта «Экономическая стратагема», озаглавив ее «Лифляндская экономия». В январе 1747 закончил переработку рукописи «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», дал ей новое название «Краткое руководство к красноречию. Книга первая...». Осенью 1748 была, наконец, построена химическая лаборатория. Здесь он начал опыты по изготовлению цветных стекол, нужных ему для экспериментального подтверждения создаваемой им теории света и цвета, разрабатывал рецептуру и испытывал заменители для красок, ввозимых из-за границы, продолжал оборудование лаборатории приборами и инструментами. В 1748 на основе проведенных им опытов Л. написал работу «Физические размышления о причине теплоты и холода», получившую одобрение Л. Эйлера. В нач. мая 1748 к научной работе Л. добавилась еще и журналистская: Академическая канцелярия поручила ему проверку всех сообщений из-за рубежа, предназначенных для печатания в газете «Санкт-Петербургские ведомости». 5 июля 1748 Л. в письме Эйлеру изложил свою теорию всемирного тяготения и объединил в одной формулировке законы сохранения материи и движения. В сентябре 1748 написал диссертацию «Опыт теории упругости воздуха», а в январе-феврале 1749 — «Диссертацию о рождении и природе селитры». В ноябре 1749 выступил на заседании АН с «Похвальным словом императрице Елизавете Петровне», которое произвело на нее хорошее впечатление, по-видимому, поэтому она приняла его в августе следующего года в Царском Селе. Вскоре после этого он получил чин коллеж, сов. (по Табели о рангах этот чин соответствовал чину полковника и давал право на потомственное дворянство). С октября 1749 по март 1750 он принимал участие в обсуждении речи Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского», где выступал с резкой критикой взглядов на происхождение Российской государственности от варягов. К этому времени деятельность Л. получила высокую оценку, и он первым из академиков получил возможность опубликовать первую книгу своего «Собрания разных сочинений в стихах и прозе...». 6 сентября 1751 в Публичном собрании АН произнес «Слово пользе химии», которое стало первым выступлением Л., посвященным популяризации науки в России. В сентябре 1752 в химической лаборатории закончил работу над первой мозаикой «Мадонна» с картины римского живописца Солимены. В 1752-1754 Л. прочитал впервые в мире курс «истиной физической химии». В этом курсе Л. вслед за Р. Бойлем попытался дать объяснение химическим процессам на основе разработанных им корпускулярных представлений и физических законов.

Вероятно, не без содействия своего покровителя, фаворита Елизаветы И. И. Шувалова Л. в

1753 добился указа императрицы, в котором получил разрешение на строительство фабрики цветного стекла, земельный надел в 40 кв. км с 211 душами крестьян мужского пола. К 1754 строительство фабрики в основном было закончено, и на ней стали изготавливать стекло, бисер, пронизки и другие изделия, но главное — на фабрике готовились брусочки из смальт различного цвета, из которых набирались мозаичные картины. Помимо этого, Л. вместе с Рихманом занимался изучением природы атмосферного и получаемого от электростатических машин электричества. 26 июля 1753 во время наблюдений разразившейся над СПб грозы академик Рихман погиб. Несмотря на противодействие Синода, вызванного этим событием, Л. прочел в публичном собрании «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», где выдвинул свою теорию образования атмосферного электричества и доказал его полную идентичность искусственному, получаемому от электростатических машин.

Л. очень болезненно относился к плохому состоянию дел в Академических гимназии и, особенно, университете, поэтому он подсказал И. И. Шувалову идею о создании университета в Москве. Л. представил Шувалову свой план его структуры, а последний добился у императрицы подписания 12 января 1755 «Указа об учреждении в Москве Университета». В 1754 Л. отказался от кафедры химии и лишился химической лаборатории. В 1755 сдал в печать «Российскую грамматику» и в основном закончил работу над «Древней Российской историей». Одновременно готовил материалы для истории царствования Петра I, заказанной Елизаветой Вольтеру. На публичном собрании АН в 1756 прочел «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее», в которой изложил свою, отличную от ньютоновской, теорию света и разработал основные положения теории цвета. В этом же году получил большой участок на берегу р. Мойки и в 1757 переехал вместе с женой и младшей дочерью Еленой (род. 21 февраля 1721, судьба старшей дочери Екатерины до сих пор неизвестна) в собственный дом. В этом же году Л. был назначен советником Академической канцелярии, получил большую возможность влиять на положение дел в Академии. В 1758 возглавил Географический департамент АН, где начал работу по составлению нового «Атласа российского». Работал над «Рассуждением о большей точности морского пути», в котором предложил ряд новых навигационных приборов и инструментов. Вместе с акад. И. А. Брауном проводил опыты по замораживанию ртути. В 1760 получил в свое ведение Академический университет и гимназию и в следующие годы постарался «привести их в лучшее состояние». В 1761 ожидалось прохождение Венеры по диску Солнца. Л. наблюдал это явление в своей домашней обсерватории, и он первым в мире интерпретировал зафиксированное им свечение вокруг Венеры как рассеяние солнечных лучей в ее атмосфере. В 1761-1763 он занимался усовершенствованием ньютоновского и грегорианского телескопов, фотометрией звезд, конструировал астрономические приборы. Летом 1761 Л. закончил подготовку к печати руководства по горному делу «Первые основания металлургии или рудных дел».

После восшествия на престол Екатерины II покровители Л. были вынуждены уехать за границу, и он остался без их поддержки. Он написал прошение на имя Екатерины, в котором просил уволить его от академической службы с пожизненной пенсией. Екатерина подписала его, но через 2 недели отменила. Л. остался в АН, а в кон. 1763 был произведен в стат. сов. В сентябре 1763 закончил «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Здесь он высказывал давно занимавшую его мысль о необходимости найти путь на восток вдоль берегов Сибири. По представлению Л. и в большом секрете была снаряжена морская экспедиция под командованием капитан-командора В. Я. Чичагова, которая уже после смерти ученого дважды, в 1765 и 1766, пыталась пройти «Сибирским океаном» на восток, но оба раза закончилась неудачей. В мае 1760 Л. избирают почетным членом Шведской Академии наук, а в апреле 1764 — почетным членом Болонского института. 28 января 1765 Л. последний раз присутствовал на заседании Академического собрания, а 4(15) апреля 1765 Л. скончался в своем доме на Мойке. 8 апреля его похоронили на Лазаревском кладбище

Александра-Невского монастыря.

Значение Л. в рус. науке и культуре трудно переоценить. Он был ученым-просветителем. Все написанные им книги были, по существу, учебниками, а произносимые им «Слова» пропагандировали в рус. обществе научные знания. Л. стал первым рус. ученым-естествоиспытателем, создателем рус. научного яз., основателем рус. традиции энциклопедизма и т. д. Но самое главное — он стоял у истоков рациональной линии развития в рус. культуре, что в значительной степени способствовало в России XVIII в. переходу от средневекового типа культуры к культуре Нового времени. Л. служил и служит до сих пор вдохновляющим примером, благодаря которому не иссякает приток в русскую науку талантливых молодых людей.

Э. П. Карпеев, О. Ю. Петрова

Литературная деятельность Л. началась в Германии. Две основные задачи, стоявшие перед рус. поэзией в этот период: способ стихосложения и новый поэтический стиль — были решены Л. с использованием опыта нем. версификации и европейского классицизма. Еще в Марбурге он изучал труды ведущего поэта и теоретика нем. классицизма И.-К. Готшеда, конспектировал трактат «О возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Н. Буало. В результате этих занятий Л. создал оду «Горы толь что дерзновенно...», переведенную из Ф. Фенелона и посланную в АН (15.10.1738) в качестве свидетельства в овладении фр. яз. Этот первый опыт правильной силлаботоники (хорей) в СПб, по-видимому, впечатления не произвел. Примерно в то же время Л. создает первую ямбическую оду «Хвалить хочу Атрид...», остававшуюся в конспекте статьи Готшеда «Опыт перевода Анакреона (и использованную поэтом позднее в «Разговоре с Анакреоном, 1758-1760)». В декабре 1739 Л. послал в СПб «Письмо о правилах российского стихотворства» (и как иллюстрацию к нему оду «На взятие Хотина»). Последовательно критикуя гл. положения «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» В. К. Третьяковского, Л. сформулировал свою версию силлаботоники. Ее основные принципы: строение стиха на основе равного числа тонических ударений, двустопные и трехстопные метры, равноправие мужской, женской и дактилической рифмы — определили новое рус. стихосложение. Однако «Письмо» (опубл.: Соч. 1778) и первая рус. «правильная» од а «На взятие Хотина» (начальная редакция не сохр.; исправленный вариант опубл.: Соч. 1751) оставались неизвестными широкому кругу читателей. Успех и известность пришли к Л. после первых выступлений в печати: август 1741 — оды «Нагреты нежным воды югом...» (Примечания к ведомостям) и «Первые трофеи» (отд. изд. и Примеч. к вед.); февраль 1742 — ода «На прибытие из Голстинии <...> вел. кн. Петра Феодоровича» (отд. изд.). В АН он прочно занял место оригинального рус. стихотворца. Ему поручаются переводы с нем яз. (ода Я. Я. Штелина на восшествие на престол Елизаветы Петровны и ода Фр. Юнкера «Венчанная надежда»); по словам И. Д. Шумахера, появившиеся почитатели Л. «превозносили до небес его стихи» (письмо Штелину от 15 марта 1742). Около этого времени рус. поэты начали переходить к новой системе версификации.

Первыми последователями Л. стали А. П. Сумароков и В. К. Третьяковский (три приятеля в нач. 1740-х, впоследствии стали непримиримыми врагами). Спорным, однако, оставался вопрос о семантике метра. Для его практического разрешения было предпринято соревнование в переложении 143 псалма (Л., считая, что ямб звучит возвышенно, написал ямбом, Сумароков последовал за ним, а Третьяковский, отстаивая положение об отсутствии метрической значимости, остался верен хорю). Результаты соревнования были опубликованы анонимно («Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев», 1744), и публике предоставлялось самой решить, чья ода удачнее. Спор о стихотворных метрах позднее был продолжен (видимо, без согласия Л.) в журнале «Полезное увеселение» (1760), в котором М. М. Херасков поместил анонимный хорейский перевод оды Ж.-Б. Руссо «На счастье» Сумарокова рядом с анонимным же ямбическим переводом Л. (последний оценивался Г. Р. Державиным как образец «совершенной оды»).

Заслугой Л. стало не только создание, но и разработка ямба (четырёхстопного — оды и шестистопного — послания, надписи), с его ритмическими, синтаксическими и интонационными возможностями. Разработку других стихотворных размеров, начатую в «Письме», Л. продолжил в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743). Здесь в качестве примеров риторических фигур предлагались оригинальные и переводные произведения Л. в разных поэтических жанрах: любовная песня, анакреонтическая ода, эпиграммы, отрывки од, фрагменты эпоей, каждому жанру соответствовал свой стихотворный размер. Таким образом, Л. принадлежат первые образцы большей части рус. силлабо-тонических размеров, включая сюда гекзаметры и логоэды. Впоследствии рукопись «Руководства к риторике», не допущенная Академическим собранием к печатанию, была коренным образом переработана Л. в «Краткое руководство к красноречию...» (1748). За годы работы над новым вариантом у Л. сложилась законченная теория словесности, в которой «Краткое руководство» представляет центральную часть. Намеченные в нем вопросы языка были разработаны позднее в «Грамматике», вопросы стиля (в частности, впервые сформулированная теория «трех штилей») в «Предисловии о пользе книг церковных (1758), а собственно теория словесности была продолжена в подготовляемой Л. к печати в 1753 «Оратории, или Наставлении к сочинению речей в прозе» (не сохр.) и теории «стихотворства вообще», прочитанной в форме лекций студентам Академического университета в 1751 (среди слушателей был Н. Н. Поповский).

С нач. 1740-х оды Л. почти полностью вытесняют нем. академические стихи и становятся обязательным элементом придворной культуры елизаветинской эпохи. Вместе с тем они рано стали национальным достоянием, чему способствовали их большие тиражи (достигавшие до 1200 экз.). Печатных экземпляров при этом, как правило быстро раскупаемых, не хватало, и оды Л. переписывались в разных концах России от руки. Для рус. поэтов XVIII в. они выполняли роль поэтической школы и служили образцом для подражания. Отработанная и почти неизменная форма торжественных од Л. утвердила канон одической поэзии в России.

Созданная Л. рус. торжественная ода восходит к фр. и нем. классицистической оде, заимствуя у нее форму (деление на строфы по 10 стихов, стабильную рифмовку), круг тем и мотивов. При этом рус. культурная и собственно панегирическая традиция, продолженная Л., переживаемый в эпоху Елизаветы национальный подъем, сама личность поэта определили оригинальность и глубоко национальный характер ломоносовских од. Главным героем поэзии Л. становится Россия и рус. народ, образцом для подражания, чуть ли не божеством провозглашается Петр I. В духе петровской политики Л. считает необходимым полное включение России в европейскую цивилизацию; а историческую роль Отечества видит в распространении ее на Восток, Юг и Север. При этом высшим государственным благом признается мир и тишина, что обеспечивается просвещенным правлением; большая роль в одах Л. отведена прославлению наук. Мир ломоносовских од озарен светом, настроению веселья и ликования, господствующих в них, соответствует стремительность и звучность стиха. Состояние восторга, определяющее особое качество ломоносовского стиля — «парение», — передается читателю.

Высоко ценились современниками и 9 духовных од Л. (переложение псалмов), пронизывающий их мотив — борьба с неправедными врагами, имел, по-видимому, автобиографический характер. А. С. Пушкин назвал их «вечными памятниками русской словесности». К духовным одам примыкают натурфилософские оды «Вечернее размышление о Божием Величестве» (1743), «Утреннее размышление о Божием Величестве...» (1747) и теодицея «Ода, выбранная из Иова» (1757), в которых отразился поиск Л. возможности примирения рационалистического (научного) миропонимания с верой. Проблемы мироздания и человеческой истории решаются Л. в «Письме о пользе стекла» (1753), первом рус. образце широко распространенной в Европе дидактической поэмы.

Положение Л.-поэта окончательно упрочила ода на день восшествия Елизаветы на престол 1748 «Заря багряною рукою...», за которую он был пожалован «двумя тысячами рублей».

Вскоре по поручению императрицы, чтобы расширить круг сочинений для придворного театра, Л. пишет 2 трагедии «Тамира и Селим» (1750) и «Демофонт» (1751), не имевшие сценического успеха. В 1752-1755 Л. становится главным специалистом по составлению проектов иллюминаций, оттеснив от этой работы Я. Я. Штелина. Наряду с художественным и литературным заданием проектов, Л. увлекает и пиротехническая сторона иллюминаций. Более 20 иллюминационных надписей, оригинальных и переводных (до 1752 штелинские надписи выходили в переводе Л.), составляют важную часть литературного наследия поэта.

Ряд надписей Л. отражают события жизни СПб (спуск судов на воду, отъезд из столицы императрицы, сооружение памятников: 5 надписей памятнику Петру Великому, надпись на гробнице Александра Невского); Л. выполнял также надписи на картушах карт СПб. В одах Л. различим условный городской пейзаж, но прежде всего СПб, Нева в творчестве Л. предстают символом новой России.

Особняком в творчестве Л. стоят несколько дошедших до нас стихотворений, не принадлежащих к официальным жанрам. Почти все они относятся к анакреонтике, к которой Л. обращался на протяжении всей жизни. Ранние образцы анакреонтики Л. включил в «Руководство», поздние («Кузнечик дорогой...», 1761, и «Разговор с Анакреоном», 1758-1761) — распространялись в списках.

Большое значение для популяризации поэзии Л. имели его прижизненные собрания сочинений. «Собрание разных сочинений» (кн. 1 — июль 1751; кн. 2 вышла посмертно в 1768) стало итогом десятилетней литературной работы и вместе с тем первым собранием сочинений одного автора в России. В 1757 Шувалов распорядился об издании всех литературных сочинений Л. «Собрание разных сочинений в стихах и прозе», над которым наблюдал М. М. Херасков (т. 1 — 1758, т. 2 — 1759).

Первому тому было предпослано специально написанное для этого издания по заказу Шувалова «Предисловие о пользе книг церковных», в котором излагалась «теория трех штилей». Согласно ей, «три штиля» (высокий, средний и низкий) образуются на основании нормативного употребления лексики, поделенной на три группы (церковнославянский яз., рус. яз. и смешанная группа). Влияние Л. на формирование рус. литературного яз. проявилось при составлении «Словаря Академии Российской», в основу которого лег принцип лексикографии Л., а подавляющая часть примеров была взята из его произведений.

Теория словесного искусства Л. была с успехом применена им на практике при создании «слов». 26 ноября 1749 Л. произнес «Слово похвальное <...> Елизавете Петровне...», снискавшее «рукоплескание двора». В течение 1753-1754 Л. работал над похвальным словом Петру Великому (произнесено на ассамблее 26 апреля 1755). Его фр. перевод (Ф.-Г. Штрубе де Пирмонта и Т. Чуди) был отправлен Вольтеру в числе материалов по истории Петра I. В нем. переводе оно было опубликовано Готшедом с похвалой «мужественной силе» и «хорошему вкусу» «русского витии».

Успех ломоносовских «слов» зародил у Елизаветы Петровны желание видеть российскую историю, написанную «штилем» Л. К 1754 основной корпус отечественных и иностранных (визант., римск., литовск.) источников был изучен, и Л. приступил к написанию текста. Незаконченная, лишенная научного аппарата, «Древняя российская история» вышла лишь в 1766 с кратким предисловием А.-Л. Шлецера. Значительно большей удачей стал «Краткий российский летописец» Л., созданный, вероятно, как учебное руководство для Павла Петровича. Удобная для преподавания форма обеспечила «Летописцу» редкий успех (3 издания за 1760-1761; нем. перевод Штелина — Copenhagen; Leipzig, 1766; англ. перевод — London, 1767).

Параллельно с работой над историей России Л. создавал по заказу Шувалова эпическую поэму о Петре I. Однако окончить «Петра Великого» (песнь 1 вышла в 1760, песнь 2 — 1761), по словам Шувалова, помешал выбор героя недавней истории, поскольку «время для фантазии было очень близко». Современники встретили первый опыт рус. эпопеи («Петрида» А. Кантемира известна не была) противоречиво: Сумароков резко критически, «знатоки» АН одобрительно (свидетельство Штелина). После «Россиады» Хераскова эпопея

Л. все чаще оценивается как неудача.

В 1760-е, несмотря на оды Екатерине II (3 оды) и стихи Г. Г. Орлову, Л. воспринимался как поэт прошлого царствования, «стихотворец веку <...> блаженныя памяти Елисаветы Петровны» (С. А. Порошин). Поэты следующего поколения, независимо от своей поэтической ориентации, были единодушны в оценке деятельности и творчества Л. (М. И. Херасков, В. П. Петров, В. И. Майков и др.). Восхищение творчеством Л. и его судьбой характеризует рус. мысль вплоть до А. С. Пушкина и П. А. Вяземского. Диссонансом прозвучал радищевский упрек Л. в лести и предпочтении ему Сумарокова. На разборах произведений Л. воспитывалась ранняя рус. критика, на издании его сочинений — филология. В рус. критике и общественном сознании Л. надолго остался «Петром Великим русской литературы», как назвал его К. Н. Батюшков, а затем В. Г. Белинский, подразумевавшие под этим, что им были осуществлены коренные реформы рус. языка и стиха и открыт путь новой рус. литературе.

Лит.: П е к а р с к и й П. П. Ломоносов. Жизнеописание // П е к а р с к и й П. История Академии наук. Т. 2. СПб., 1873; Ч е н а к а л В. Л., Андреева Г. А. и др. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961; М о р о з о в А. А. М. В. Ломоносов: Путь к зрелости. М.; Л., 1962; О н ж е М. В. Ломоносов. 1711-1765. 5-изд. М., 1965; Л и х о т к и н Г. А. Ломоносов в Петербурге. Л., 1981; Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь / Редактор-составитель Э. П. Карпеев. СПб., 1999; П у м п я н с к и й Л. В. К истории русского классицизма // П у м п я н с к и й Л. В. Классическая традиция. М., 2000.

Н. Ю. Алексеева

(Опубл.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. Осмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1. СПб.-М., 2003. С. 559–564)